

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

Горбаренко Екатерина Алексеевна

**Горизонты ожиданий
в романах Ф. М. Достоевского**

Специальность 5.9.1. – Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2024

Работа выполнена на кафедре 11 иностранных языков Федерального государственного казённого военного образовательного учреждения высшего образования «Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва» (ВАМТО) Министерства обороны Российской Федерации

Научный руководитель: Доктор филологических наук
Макаричев Феликс Вячеславович

Официальные оппоненты: **Креницын Александр Борисович**,
доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ
ВО «МГУ имени М. В. Ломоносова» (г.
Москва), профессор кафедры истории русской
литературы;
Прохоров Георгий Сергеевич,
доктор филологических наук, доцент, ГОУ
ВО МО «Государственный социально-
гуманитарный университет» (г. Коломна),
профессор кафедры русского языка и
литературы;
Сафронова Елена Юрьевна,
доктор филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Петербургский государственный
университет путей сообщения императора
Александра I», профессор кафедры «русский и
иностранные языки».

Защита состоится «19» декабря 2024 г. в «11-00» на заседании диссертационного совета УрФУ 5.9.07.19 по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», <http://dissovet2.urfu.ru/mod/data/>

Автореферат разослан « » ноября 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета:
доктор филологических наук,
доцент

Приказчикова Елена
Евгеньевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Тема нашей диссертационной работы – «Горизонты ожиданий» в произведениях Ф.М. Достоевского.

История вопроса и степень разработанности темы исследования. Понятие «Горизонты ожиданий» заимствованно из рецептивной эстетики и изначально было связано с читательским восприятием текста. Читательское восприятие обусловлено не только предшествующим читательским опытом и знакомством с иными художественными текстами, но и в широком смысле с влиянием внеэстетической реальности. В связи с этой проблемой Х.-Р. Яусс вводит ключевое понятие, которое обозначает как «горизонт ожиданий».

В приложении к *литературоведческому исследованию* произведений Достоевского нам хотелось бы *расширить поле применения* данного понятия. Например, Цветкова М.В. отмечает, что помимо читателя как активного творческого начала и художественного текста, рецептивная эстетика неизбежно должна учитывать «диалектику взаимоотношений воздействия и восприятия/рецепции (Автор ↔ Произведение ↔ Читатель) и Реальность ↔ Читатель и Традиция ↔ Читатель»¹. Именно такой расширенный взгляд, включающий в процесс не только текст и читателя, но и автора, на наш взгляд, продуктивен для литературоведческого подхода. Поэтому термин «горизонты ожиданий», в отличие от рецептивной эстетики, мы предлагаем рассматривать применительно не столько к читательскому восприятию, а к *восприятию автора* (собственного текста, замысла художественного произведения, характеров героев), а также *восприятию героев другими героями* в контексте сюжета произведения. Мы можем предположить, что «горизонты ожиданий» образуются и подвижно меняются не только у читателя (согласно Х.-Р. Яуссу), но и у *героев произведения*, а также у самого *писателя* в процессе создания художественного произведения. То есть помимо уровня Читатель ↔ Произведение и Автор ↔ Произведение ↔ Читатель, мы бы хотели добавить другие уровни, на которых и будем акцентировать внимание: **Автор – Герой и Герой – Герой**, что и обуславливает *новизну* нашего научного исследования. Следует иметь в виду и **горизонты ожиданий самого Достоевского** (автора) при создании им того или иного произведения. Они обуславливают как общую направленность его творческих исканий, так и меняющиеся от романа к роману векторы этих исканий.

Поэтому мы **определяем «горизонты ожиданий»**, с одной стороны, как комплекс представлений автора о возможной логике развития сюжета, а также характерах героев, которые могут

¹ Цветкова М.В. Возможности рецептивного подхода в рамках компаративистского исследования // Вестник ВятГУ. – 2010. – №3. С. 9.

осуществляться в неизменном виде или меняться в процессе работы над произведением, с другой – как субъективные представления самих героев, связанные с их аксиологическими ориентирами, обусловленными социально-психологическими особенностями. В. Изер, один из основателей рецептивной эстетики, писал: «И все же литературные тексты полны неожиданных поворотов и обманутых ожиданий»². Эти слова очень точно характеризуют стиль Ф.М. Достоевского, для которого большое значение имеет слово «вдруг» в развитии сюжета, внезапной смене чувств, намерений, отношений героев, в спонтанных поступках персонажей в «вихре сошедшихся обстоятельств»³.

На сегодняшний день в достоевковедении уже есть единичные примеры продуктивного применения понятия «горизонты ожиданий» в процессе анализа произведений писателя. Например, М.В. Загидуллина, обращаясь к повести «Слабое сердце», отмечает: «В самом деле – герой пользуется покровительством начальства, расположением любимой девушки, у него есть искренне любящий его друг, Вася трудолюбив и старателен. И на этом «розовом» фоне и случается катастрофа – сумасшествие «от счастья». Такой «поворот» нарушает горизонт читательских ожиданий, оказывается тем «болевым эффектом», который ранит читателя, мучает его, не дает возможности прочитать текст «бесследно» для себя»⁴.

Для нас наибольший научный интерес представляют герои романов Достоевского и их субъективные «ожидания», сбывшиеся и несбывшиеся, а также их восприятие с точки зрения автора и читателя, которые могут не совпадать. Прослеживание динамики горизонтов ожиданий в их развитии и конфликтных сочетаниях позволяет прояснить логику сюжета и особенности построения образной системы в каждом из рассматриваемых произведений, а также направленность и пафос художественных исканий Достоевского-романиста.

Актуальность предпринимаемого исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, интерес к Достоевскому, к его художественным открытиям неизменно растет на протяжении последнего полувека. Поэтика его произведений, их жанровая природа, антропология Достоевского,

² Изер В. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория. Антология / Сост. И.В. Кабанова. - М.: Флинта: Наука, 2004. – С. 208.

³ На функцию слова «вдруг» в произведениях Ф.М. Достоевского обращали внимание многие исследователи творчества писателя. Например: Ружицкий И.В. Текстобразующая функция слова «вдруг» в произведениях Ф.М. Достоевского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2011. – № 3. – С. 18-25. Еще ранее об этом писал С.В. Белов. См. Белов С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» / Под редакцией Д. С. Лихачёва. Л.: Просвещение. Ленинградское отделение, 1979.- 240 с. и др.

⁴ Загидуллина М.В. Слабое сердце. Электронный ресурс. URL: <https://fedordostoevsky.ru/works/lifetime/weak/>. (Дата обращения 03.02.23 г.).

типология героев, психологизм, духовная содержательность творчества – всё это стимулирует целые ветви научных исследований. Во-вторых, не последнее место в достоевистике занимает изучение как отдельных произведений, так и творчества в целом в более частных, проблемно-тематических аспектах. Принимаются во внимание различные сквозные мотивы, генезис романов, отдельных образов, и др. И всякий раз каждое очередное изыскание обнаруживает что-то новое у Достоевского, какие-то уточняющие, *актуализируемые* значения и нюансы. Так и наше исследование способно шире раскрыть ищущие устремления многих героев Достоевского. Косных героев, то есть не имеющих своих «горизонтов ожиданий», у этого писателя вообще трудно найти. Наряду с этим, будут прояснены авторские горизонты ожиданий при формировании замыслов отдельных романов и пятикнижия в целом.

Новизна исследования обусловлена тем, что в указанном аспекте романы так называемого *великого пятикнижия* и их черновые редакции до сих пор в науке не рассматривались. Предпринимаемое исследование позволит *по-новому* понять сюжетные роли основных героев в романах писателя и концептуальное значение их образов.

В качестве **объекта исследования** избраны романы Достоевского послекаторжного периода, по общепринятому наименованию – *великое пятикнижие*. Таким образом, **материалом** для нас являются романы «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы».

Каждое из произведений Достоевского достойно внимания в интересующем нас аспекте. В любых романах и повестях в психологии и поведении героев различимы их явные и неявные устремления, то есть горизонты ожиданий. Однако охватить их все в масштабах одной диссертации не представляется возможным. Поэтому мы сосредоточим внимание лишь на пяти романах. Это оправдано тем, что они, во-первых, представляют наиболее зрелый период творчества писателя. Во-вторых, романы эти во многом связаны друг с другом в контексте идейных и художественных исканий автора. Поэтому, в частности, их и принято воспринимать обобщенно – как «великое пятикнижие». Каждый из них преемственно взаимосвязан с предыдущими произведениями и может содержать в себе перспективы на будущие замыслы. Так что все они действительно могут рассматриваться в общем контексте исканий Достоевского этого периода (1860–1870-х годов).

Предмет исследования в настоящей диссертации – горизонты ожиданий героев и автора как установки и устремления в широком диапазоне их выраженности – прямые и подспудные, согласующиеся и конфликтующие, определяющие сюжетные судьбы героев и корректирующие воплощение авторских замыслов.

Цель исследования – анализ каждого из пяти романов Достоевского

в свете выраженности в них горизонтов ожиданий героев и автора.

В **Задачи** входит следующее:

1. Выявить, как логика названий всех пяти романов отражается в формировании, корректировке и смене горизонтов ожиданий у различных героев.

2. Развернуть спектр возможных в романах горизонтов: истинных и ложных; идейных и духовных; персональных и персонифицированных; противоположно темпоральных (перспективных и ретроспективных); персонажных и авторских.

3. Проследить на материале романа «Идиот», как статус центрального героя обуславливается его положением в структуре интересов остальных персонажей (Мышкин на пересечении чужих горизонтов ожиданий).

4. Раскрыть особенности постановки в романе «Идиот» важнейших проблем: значимость финансовой составляющей в горизонтах ожиданий; разновидности любви в их драматических последствиях; полярность и взаимосвязанность горизонтов жизни и смерти в уроках Мышкина.

5. Определить разницу в идейных воздействиях Ставрогина и Петра Верховенского на их прозелитов из числа женских и мужских персонажей романа «Бесы». В чем логика избирательного влияния на окружающих у первого из них и стихийной бесовщины у второго.

6. Аналитически рассмотреть горизонты ожиданий центрального героя в романе «Подросток» в их соотношении; выявить художественную преемственность по отношению к предыдущим романам и перспективы на итоговое произведение, «Братья Карамазовы».

7. Проанализировать выражение и противоречивые сочетания братских и карамазовских инстинктов в монастырской и в мирской средах на материале последнего романа Достоевского. Выявить смысл заветов Федора Карамазова и старца Зосимы, высказанных Алексею Карамазову как противоположных горизонтов ожиданиями его отцов.

8. Дать аналитическую характеристику горизонтам ожиданий для основных героев романа «Братья Карамазовы». Выявить логическую взаимосвязь названия романа и эпиграфа к нему в свете общей темы диссертации.

Методология работы обусловлена спецификой предмета исследования и поставленными научными задачами. Ракурс исследования предполагает использование системного подхода к романам «великого пятикнижия» Достоевского как уникальному художественному явлению в соответствии с положениями современного литературоведческого анализа и с учетом концепций и методологических подходов, выработанных литературной наукой в последние десятилетия. Методологическим основанием для исследования текстов Достоевского является сочетание следующих аналитических методов:

1) Проблемно-тематического (анализ тематики и проблематики произведений писателя в свете особенностей его миропонимания);

2) структурно-семантического (рассмотрение смыслового соотношения отдельных частей произведения, описанных в нём событий и образов в свете трансформации авторской концепции);

3) историко-литературного (исследование произведений писателя в контексте его творчества);

4) аксиологического (интерпретация поведения героев романов в свете влекущих ценностей и идеалов).

В качестве общих ориентиров использованы рекомендации герменевтической школы (П. Рикёр).

Теоретическую основу диссертационного исследования составляют труды М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Д.С. Лихачева, Л.В. Пумпянского.

Историко-литературоведческой базой для нашего изучения романов Достоевского являются труды следующих литературоведов: В.В. Борисова, Н.Ф. Буданова, В.А. Викторovich, А.П. Власкин, Х.-Ю. Геригк, А.С. Долинин, В.К. Кантор, Т.А. Касаткина, С.А. Кибальник, В.Я. Кирпотин, А.Б. Криницын, А.Е. Кунильский, Ф.В. Макаричев, Р.Г. Назиров, Л.А. Сараскина, В.А. Свительский, К.А. Степанян, Б.Н. Тихомиров, Г.М. Фридендер, Г.К. Щенников и др.

Начиная с конца XX в., отечественное литературоведение (в частности, достоевистика) продуктивно осваивало в прикладном виде западную философскую методологию.⁵ Это касается, например, уже упомянутой аксиологии. Для нас, в целях настоящей работы, может быть полезна в качестве общего ориентира – *герменевтика*. Ее виднейшие представители – в порядке преемственности взглядов – П. Рикёр, М. Хайдеггер и Х.-Г. Гадамер.⁶

Мы учитываем опыт российских литературоведов в освоении зарубежной философии и методологии. Например, К.А. Фомин усматривает определенную преемственность между принципом, разрабатываемым рецептивной эстетикой и диалогизмом М. Бахтина: «В основу концепции рецептивной эстетики Ханса Роберта Яусса положен диалогический принцип, изначально разработанный М.М. Бахтиным и предполагающий активное взаимодействие между художественным текстом и его непосредственным адресатом – читателем. Коммуникативный по своей природе диалогизм отношений между художественным текстом и реципиентом позволяет «постигнуть

⁵ Егорова Л.П. К вопросу о литературоведческой интерпретации и ее исследовательских признаках // Известия Сочинского государственного университета. – 2013. № 1 (23). – С. 182-186.

⁶ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М.: Академический Проект, 2008. – 695 с.; Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 447 с.; 49. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

“понимание” и “интерпретацию” по модели разговора, который происходит между двумя и более людьми»⁷.

Особое значение в качестве базы для настоящей диссертации имеет монография Ф.В. Макаричева, А.П. Власкина и Н.А. Макаричевой.⁸ Во-первых, она близка нам и даже шире по охвату материала (с первого романа до последнего, включая ряд повестей Достоевского). Во-вторых, что важнее, нам близка начальная установка авторов: «...никакая единая научная методология нами прямо не руководит, и на выработку какого-либо нового методологического подхода авторы не претендуют. Главный принцип для нас – следовать за Достоевским и осваивать его художественные открытия в области взаимосвязи и взаимозависимости эмоций, впечатлений, воображения и идей. То есть это «старый добрый» интерпретационный принцип». ⁹ Если в этой монографии «душевная жизнь» структурируется по своим составляющим (эмоции, впечатления, воображение и идеи), то в нашей диссертации «горизонты ожиданий» будут рассматриваться также в неоднородных своих выражениях (прямых, персонифицированных и прочих). На разных этапах нашего исследования мы будем регулярно цитировать указанную монографию, но с внесением, по мере необходимости, своих поправок и дополнений.

Теоретическая и практическая значимость работы.

В диссертации разрабатывается методология, основанная на сочетании подходов из смежных областей знания – литературоведения, философии, культурологии и социальной психологии. Это закладывает основы для междисциплинарных связей как для последующих научных изысканий, так и для учебных курсов в указанных областях.

Положения, выносимые на защиту:

1. В романе «Преступление и наказание» условно понимаемые «горизонты» выявляются в исканиях героев, во многом определяя их сюжетные судьбы. Эти горизонты зачастую смещаются, противоречиво пересекаются и сменяют друг друга, что определяет драматизм повествования. «Горизонты ожиданий» персонифицируются в романе в образах одних героев как воплощение надежд или опасений для других. Так, для Раскольникова взаимоисключающими «горизонтами» являются Соня Мармеладова и Аркадий Свидригайлов (а также, например, Разумихин и маляр Миколка).

2. Принципиальное значение имеет темпоральное выражение горизонтов ожиданий. Зачастую «перспективные» горизонты *ожиданий*

⁷ Фомин К.А. Концепция рецептивной эстетики Ханса Роберта Яусса как принцип конструирования и динамики литературной традиции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 20115. № 2 (№30). – С. 169-176.

⁸ Макаричев Ф.В., Власкин А.П., Макаричева Н.А. Душевная жизнь и ее воплощение в произведениях Ф.М. Достоевского. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022. – 219 с.

⁹ Там же, С. 8.

опираются на «ретроспективные» горизонты *воспоминаний* и подпитываются ими. Взаимосвязь ретроспективных и перспективных горизонтов обнаруживается в снах Раскольникова и Свидригайлова. Особую значимость имеют авторские подвижные горизонты ожиданий применительно к отдельным образам героев, когда их художественный статус претерпевает в ходе творческого процесса эволюцию в сторону редукции или развития.

3. В романе «Идиот» художественный статус князя Мышкина как главного героя обусловлен его исключительным положением в структуре интересов остальных персонажей: он является персонифицированным, олицетворенным средоточием этих интересов, то есть поставлен автором на пересечении разнообразных горизонтов ожиданий. Почти для всех персонажей романа в их горизонтах ожиданий немаловажное значение имеет финансовая составляющая. И в образе Мышкина, как именно «положительно прекрасного человека», эта составляющая играет свою роль. Без своего богатства герой многое потерял бы в глазах окружающих, с неизбежным ограничением своего влияния на них.

4. В романе «Идиот» противопоставлены две разновидности любви – самоотверженной (Настасья) и эгоистичной (Аглая). Их конфликтное столкновение обуславливает трагический исход для четырех важных героев – Настасьи, Аглаи, Мышкина и Рогожина. Для Мышкина как центрального героя решающее значение имеют два противостоящих друг другу горизонта ожиданий – жизни и смерти. Первичность и доступность первого из них и неизбежность второго, а также их драматичная взаимосвязь – это те полюса, которые определяют судьбы людей и героев, по логике автора романа «Идиот».

5. Колебания Достоевского в выборе центрального героя для романа «Бесы» показательны как выражение подвижности и корректировки авторских горизонтов ожиданий. Для этого произведения принципиальна дифференциация персонажей на мужские и женские. Наиболее наглядно и выразительно сумбурное сочетание горизонтов ожиданий сказывается в женских вариантах, в их переменчивости у Варвары Ставрогиной и у Юлии Лембке.

6. Ставрогину свойственна многовалентность по отношению к горизонтам ожиданий в сочетании с индифферентной свободой от их влияния. Его прозелитов, Кириллова и Шатова, напротив, отличает личностная привязанность к разным ставрогинским идейным горизонтам. Для идейных влияний Петра Верховенского характерен стихийный характер (*бесовщина*), что обеспечивает им максимальную токсичность и обезличивает окружающих. Примером тому служат его прозелиты – Эркель, Виргинский и Липутин; а также женские персонажи – Варвара Ставрогина и Юлия Лембке.

7. В романе «Подросток» для Аркадия как центрального героя

открываются четыре горизонта ожиданий – три персонифицированных и один идейный. Их сочетание и запутанное соотношение обуславливает процесс взросления Подростка, становления его как личности. Первые два персонифицированных горизонта представлены биологическим и формальным отцами Аркадия – Версиловым и Макаром Долгоруким. С ними связана постановка проблемы «отцов и детей», которая выражается в горизонтах авторских и читательских ожиданий.

8. В «Подростке» острее, чем в «Идиоте», ставится проблема любви – внерациональной и разрушительной. Здесь для героя сталкиваются два горизонта ожиданий – Версилов и Ахмакова. Вариативные прояснения чувств противоречат друг другу и всё запутывают. Поэтому проблему любви автор оставляет принципиально открытой. «Идея» Аркадия, как его четвертый горизонт ожиданий, обретает способность *взрослеть* вместе с героем. В романе она, по ходу сюжета, предстает в разных вариантах, которые перерастают один в другой. Итоговый вариант – накопление богатства эмоционального и душевного опыта – раскрыт на перспективу.

9. Ко времени создания «Братьев Карамазовых» в предыдущих романах обнаружился дефицит носителей «братского начала»; на это претендуют лишь два центральных героя и ряд периферийных персонажей. В итоговом романе выясняется, что *братство* можно актуализировать – лишь «подмешав» к нему *карамазовщины*. Характерно исследование автором выражений братских инстинктов в монастырской среде, которая для них будто бы наиболее благоприятна. Но и в монастыре обнаруживается дефицит таких инстинктов и признаки карамазовщины. *Справедливость* принадлежит сфере *братства*; однако страстное требование ее – уже *карамазовщина*.

10. «Отцы» Алексея Карамазова (биологический и духовный, Федор Павлович и Зосима) высказывают ему свои «заветы» по смене разнонаправленных горизонтов ожиданий, подразумевая грядущие для него душевные испытания. И он следует обоим заветам: из «мира» уходит в монастырь, а из монастыря возвращается в мир, который в нем наиболее нуждается. Алексей – персонифицированный горизонт ожиданий для братьев, для отца и для ряда других персонажей. Федор Карамазов в старших сыновьях различает, боится и ненавидит *карамазовщину*, а в младшем, напротив, ценит его светлое, *братское начало*. Для членов семейства Карамазовых характерно разное отношение к своим горизонтам ожиданий: отец утверждает на цинизме; Дмитрий всегда готов к смене горизонтов; Иван колеблется между двумя идейными ориентирами; Смердяков при отсутствии горизонтов ищет их и не находит; Алексей проходит искушение бунтом и возвращается к вере в Бога.

11. На примере судьбы и воспитательского опыта Алексея (как наследника князя Мышкина) показана логическая взаимосвязь названия романа и эпиграфа к нему. Выясняется, что сосуществование братства и

карамазовщины в человеке (и в герое) возможно в динамическом балансе, когда одно не способно до конца преодолеть другое и само остаться «в чистом виде». Но в их взаимной борьбе раскрывается противоречивая и многогранная душевная жизнь. Таким образом, по логике взаимосвязи названия и эпиграфа, братство – это зерно, которое, умирая в карамазовщине – дает «много плода».

Личный вклад автора состоит в самостоятельном выполнении основного объема диссертационного исследования, в обосновании научной новизны, разработке методологии, которая помогает по-новому понять сюжетные роли основных героев в романах великого пятикнижия и концептуальное значение их образов.

В структуре работы выделяются пять глав, в которых рассматриваются романы Достоевского в хронологической последовательности их создания. В заключении подведены общие итоги исследования и выявлены его перспективы. Библиографический список литературы содержит 201 источник. Общий объем диссертации составляет 214 страниц.

Апробация исследования. Диссертация обсуждалась на кафедре 11 иностранных языков Военного института (Железнодорожных войск и военных сообщений) Федерального государственного казённого военного образовательного учреждения высшего образования «Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва» (ВАМТО) Министерства обороны Российской Федерации. По результатам исследования были сделаны доклады на следующих конференциях: Международная научно-практическая конференция «Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории» (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, 2022), Международная научно-практическая конференция «Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики» (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Елабужский институт, Елабуга, 2023), Международная научная конференция «Русская литература в меняющемся мире 2023» (Российско-армянский университет, Ереван, 2023), Всероссийская научно-методическая конференция «Гуманитарные основы инженерного образования: научные и методические аспекты в преподавании речеведческих дисциплин и проблемы речевого воспитания в вузе» (Военный институт Железнодорожных войск и военных сообщений, Петергоф, 2024), Международная научная конференция «Русская литература в меняющемся мире 2024» (Российско-армянский университет, Ереван, 2024).

Содержание работы отражено в 8 опубликованных работах, все – по теме диссертации. В том числе 5 – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ,

1 – в научном международном рецензируемом журнале, 2 – в сборниках материалов конференций.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе, «**Рассогласованность горизонтов ожиданий в романе «Преступление и наказание»**», предлагается переосмысление обоих заглавных понятий как горизонтов ожиданий для центрального героя и для всех значимых персонажей романа – Сони Мармеладовой, Свидригайлова, старухи–процентщицы и др. У каждого из них, по сюжету, – свои *преступления и наказания*. Эти условно понимаемые «горизонты» выявляются в исканиях героев, зачастую смещаются, противоречиво пересекаются или сменяют друг друга. Такая динамика обуславливает отдельные сюжетные судьбы и драматизм повествования в целом.

Горизонты ожиданий *персонифицируются* в романе в образах одних героев как воплощение надежд или опасений для других. Так, для Раскольникова взаимоисключающими «горизонтами» являются старуха-процентщица; Соня Мармеладова; Свидригайлов; Разумихин; следователь Порфирий; маляр Миколка. Раскольникова периодически тянет то к одному такому «горизонту», то к другому. Не только духовное воздействие Сони, но и любовь к ней «сломали» в Раскольникове прежние парадигмы колебаний и способствовали принятию ими в финале романа общего горизонта ожиданий, надежд на будущее. Однако даже в финале автор не предусматривал, что божеское «всё» может заполнить собой общий для Родиона и Сони горизонт их ожиданий от будущего.

«Справедливость» как этический ориентир являет собой очень значимый для целого ряда героев – Раскольникова и Свидригайлова, Сони и Катерины Мармеладовых, следователя Порфирия Петровича – горизонт ожиданий. Но значение этого понятия противоречиво. Например, Свидригайлов признаёт справедливым то, что ужасает Раскольникова. Показаны в романе и более своеобразные варианты, когда в душевно-духовных колебаниях одного и того же героя справедливость и несправедливость меняются местами, как, например, в диалоге студента и офицера, подслушанном Раскольниковым до своего преступления. Справедливость/несправедливость напрямую зависят от того, готов ли ее воплощать тот или иной герой не в своих рассуждениях, а в действиях. Однако для самого «деятеля» при переступании порога, после убийства, одна справедливость сменяется другой – наказанием «опричь каторги».

Справедливость как ориентир и горизонт ожиданий противоречиво выражена в поступках Катерины Мармеладовой. Она неоднократно переступает грань справедливого/несправедливого. Она обрекает Соню на жертву, на *переступание* себя (подобное собственному) и тем самым

разделяет с ней жертвенный «горизонт страданий» (не «ожиданий», потому что ожидать им обеим особо нечего). После возвращения Сони с «заработков» они с мачехой разделяют и наплыв *наказания*. Страдают обе – и это уже *справедливо*. Катерина справедливости «ищет и требует», по словам Сони, – однако справедливости недостижимой («...нельзя, чтобы справедливо было в людях»). В этом смысле Катерина Ивановна как бы повторяет ошибку центрального героя, Родиона Раскольникова.

Принципиальное значение имеет *темпоральное выражение* горизонтов ожиданий. Зачастую «перспективные» горизонты *ожиданий* опираются на «ретроспективные» горизонты *воспоминаний* и подпитываются ими. Эта взаимосвязь ретроспективных и перспективных горизонтов обнаруживается в снах Раскольникова и Свидригайлова. Суждения Р.Г. Назирова о значении этих сновидений¹⁰ находят у нас ряд поправок и дополнений.

Особую значимость имеют *авторские подвижные горизонты ожиданий* применительно к отдельным образам героев романа, когда их художественный статус претерпевает в ходе творческого процесса эволюцию в сторону *редукции или развития*. Подобная деформация авторских горизонтов ожиданий наблюдается в образах Свидригайлова, Лебезятникова и отчасти Разумихина.

Вторая глава – **«Горизонты жизни и смерти в романе «Идиот»»**. Сюжетный статус князя Мышкина как главного героя дополнительно обусловлен его исключительным положением в структуре интересов всех остальных персонажей: он представляет собой *персонифицированное, олицетворенное средоточие их интересов*, то есть поставлен автором на пересечении самых разнообразных горизонтов ожиданий. При этом мнения о нем меняются, то есть он – *разнородный, противоречивый, постепенно становящийся и корректируемый* горизонт. Для Достоевского было важно *«изобразить вполне прекрасного человека» (авторский горизонт ожиданий)*. Поэтому так неопределенно восприятие Мышкина другими персонажами.

Первоначально почти все, узнавая его, не верят сами себе: «положительно прекрасный человек» с первого взгляда и слова *неправдоподобен* и поначалу *неузнаваем*. Ведь таких в реальной жизни, с ее нормами поведения, – как бы *не бывает*. Но по ходу общения отношение к Мышкину у других персонажей меняется. Он становится для них крайне важен и прямо влияет на их судьбы.

Сквозная для творчества Достоевского *проблема денег* поставлена в романе во взаимосвязь с проблемой идеала. Почти для всех персонажей в их горизонтах ожиданий финансовая составляющая имеет немаловажное

¹⁰ См.: Назиров Р.Г. Поэтика сновидений // Назиров Р.Г. Творческие принципы Ф.М. Достоевского. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. – 136-150 с.

значение. И в образе Мышкина, как именно «положительно прекрасного человека», эта составляющая играет свою роль. Без своего богатства герой многое потерял бы в глазах окружающих, с неизбежным ограничением своего влияния на них. Обладание деньгами – далеко не лишнее свойство для «идеального человека». Так, например, уже оценив душевные качества Мышкина, Настасья Барашкова дважды меняет свое решение (выходить за него замуж или нет) в зависимости от известия о его наследстве. Многие, но не всё при этом решает степень меркантильности того или иного персонажа. Однако почти все окружающие очень различают *просто* Мышкина и Мышкина-миллионера.

Важное сопоставительное значение имеет в романе образ Гаврилы Иволгина. Как воплощение «ординарности» он противопоставлен как Мышкину, так и Барашковой. Два его горизонта ожиданий – *деньги и собственное достоинство*, при этом второй из них во многом обусловлен первым. Оригинальность Настасьи для окружающих (как и для нее самой) выражается в том, что она способна отказаться от любых денег. Иволгин же надеется добиться признания своей оригинальности – «нажив деньги». Здесь содержится потенциал для последующего обострения проблемы денег в романе «Подросток».

В Мышкина в романе «влюбляются», каждый по-своему, почти все значимые персонажи (даже мужские – Рогожин, Келлер, Коля Иволгин). Однако острее всего эта проблема поставлена для Настасьи и Аглаи. Это две разновидности любви – со стороны Настасьи и Аглаи. Чувства первой из них к Мышкину очищены от эгоизма, почти самоотверженны. Аглае важно, чем Мышкин намерен «составить ее счастье». Настасья, напротив, хочет счастья *ему* и боится, что сама не сумеет «составить» это счастье. Поначалу она рассчитывает на Аглаю, потому что в нее влюблен Мышкин. Но при первой же их очной встрече Настасья уверилась в том, что ее соперница князю по душевным качествам – *не ровня*, и всё обернулось женским поединком: *такой* Аглае она Мышкина не уступит – потому что слишком его любит. Но себя она также считает недостойной его – и в этом ее безысходная *обреченность*. В итоге конфликтное столкновение этих двух вариантов любви обуславливает трагический исход для четырех главных героев – Настасьи, Аглаи, Мышкина и Рогожина.

Для Мышкина как центрального героя романа решающее значение имеют два противостоящих друг другу горизонта ожиданий – жизни и смерти. Это сказывается в сквозном для его воображения мотиве переживаний приговоренного к казни. Вариативность этого мотива заметна в судьбах швейцарской девушки Мари, Ипполита Терентьева (оба умирают от чахотки) и в ощущении Барашковой своей «приговоренности». Первичность и доступность первого из этих горизонтов (жизни) и неизбежность второго (смерти), а также их драматичная взаимосвязь – это полюса, которые определяют судьбы людей и героев.

Третья глава – «Хаотичность горизонтов ожиданий в романе «Бесы»». В истории создания этого произведения наглядно проявлялась трансформация авторских горизонтов ожиданий, их подвижность и переменчивость. В зависимости от того, какой из персонажей претендовал на место главного героя, творческая энергия Достоевского направлялась то по одному вектору, то по другому. Претендентами выступали Петр и Степан Верховенские, а также Николай Ставрогин. В окончательном тексте такая переменчивость не только оставила свой след, но и обусловила концепцию романа в целом. Характерно, что само название обозначает тенденцию – *бесовщину*, – а не героя (как в «Идиоте», «Подростке», «Братьях Карамазовых»). Она по-разному и в разной степени овладевает персонажами романа, только каждый одержим чем-то своим.

Здесь почти нет *полноценных* персонифицированных горизонтов (какими были прежде Раскольников или Мышкин), то есть таких героев, к кому интерес остальных персонажей не остывал или не менялся бы кардинально. В то же время личностных горизонтов, характерных для разных персонажей, в «Бесах» даже слишком много: они чередуются и мешаются друг с другом. Ближайшие «горизонты ожиданий» зачастую оборачиваются обманчивыми «псевдо-горизонтами», что соответствует *бесовщине*, на которую указывает не только название романа, но и эпиграфы к нему.

Наглядно сумбурное сочетание и смена горизонтов ожиданий сказывается в женских вариантах, в образах Варвары Ставровиной и Юлии Лембе. Ставровина увлекается то «передовыми идеями», то своими легкомысленными «прожеками». Параллельно ее устремления ищут и находят себе персонифицированные воплощения. Вначале она избирает своим горизонтом ожиданий давнего друга Степана Верховенского. Затем, после «жесточкого разочарования», на смену ему приходит ее сын Николай (впоследствии разочарование не минует и его). Притом от первого она требует «почти рабства», а к сыну сама относится «словно раба».

Мотивы рабства и разочарования прослеживаются и в отношениях других персонажей к своим горизонтам ожиданий. Так, Кириллов и Шатов попадают в закабаляющую зависимость от двух принципиально разных идейных горизонтов. Они готовы посвятить воплощению идей Ставровина не только жизнь, но и смерть (в случае с Кирилловым). В то же время в нем самом оба разочаровываются. Их идейную судьбу (следовать его идеям и разочаровываться в нем самом) разделяет и Петр Верховенский.

Рабству персонажей перед идейными влияниями противопоставлена свобода Ставровина от личных горизонтов ожиданий. Он, как «генератор идей», с легкостью и готовностью находит для них прозелитов, но сам остается свободен от влияния своих «откровений». Эта индифферентность обличает его душевную и духовную пустоту. Плодовитость для других оборачивается бесплодностью по отношению к себе самому. Поначалу

сказывающееся его личное обаяние закономерно. Ведь он, по логике М.М. Бахтина, – живое воплощение «идей» (для Лебядкиной – «Ясный сокол и Князь», для остальных идеи другие). А затем эти иллюзии рассеиваются, и наступает жестокое разочарование, и он уже – «самозванец».

По «механике» и логике воздействия на окружающих Ставрогину противопоставлен в романе Петр Верховенский. Он не избирателен и рассчитывает на психологию толпы. Поэтому для его идейных влияний характерен стихийный характер (*бесовщина*), что обеспечивает их максимальную токсичность. Примером тому – его прозелиты, которые почти лишены яркого личностного начала: Эркель, Виргинский и Липутин; а также женские персонажи – Варвара Ставрогина и Юлия Лембке.

Четвертая глава – «**Конкуренция горизонтов ожиданий в романе «Подросток»**». Здесь предмет авторского исследования – не увлечения ложными или временными «горизонтами ожиданий» (как в «Бесах»), а поиск центральным героем смысла жизни как единой руководящей идеи (отсюда и смена названия с «Беспорядок» на «Подросток»). Так что в устремлениях Аркадия Долгорукого важна оказывается конкуренция *трех персонифицированных и одного идейного горизонтов ожиданий*: это два его «отца», Версилов и Макар, Екатерина Ахмакова, и «ротшильдовская идея». В конфликте первых двух из этих горизонтов в романе ставится сквозная для Достоевского проблема отцов и детей. В «треугольнике» Аркадий – Версилов – Ахмакова разрабатывается проблема любви.

Сочетание и запутанное соотношение как указанных «горизонтов», так и соответствующих проблем *обуславливает процесс взросления* Аркадия–Подростка, становления его как личности. Проблему отцов и детей Достоевский усложняет за счет включения в нее представлений о разном содержании и значении дворянского (Версилов) и народного (Макар) культурного опыта. В них Аркадий поочередно обретает желанных «руководителей». Оба его отца – «странники», но очень разные по значению и географии исканий. Версилов «осваивал» Европу, тогда как Макар Иванович пополнил ряды богомольцев и обходил монастырскую Россию. Тем самым актуализируются горизонты авторских и читательских ожиданий, которые сводятся к комплексным вопросам: способны ли «отцы» из разных культурных слоев научить «детей» всему лучшему, что содержится в их опыте? смогут ли «дети» это лучшее перенять и освоить?

В «Подростке» примечателен ряд аллюзий на роман «Бесы». Образы Васина и Крафта отчасти развивают неразвернувшийся художественный потенциал Шатова и Кириллова. Особенно очевидно преемственно связан Версилов со Ставрогиным. Достоевский даже приписывает обоим сон о «золотом веке», совпадающий даже в деталях. Однако если у героя «Бесов» наблюдался «грозовой» горизонт ожиданий (отсюда его финальное самоубийство), то образ Версилова очищен от бесовщины,

облагорожен, и горизонты у него – с обнадеживающими перспективами на ясность.

Художественная ретроспектива от «Подростка» простирается и еще дальше, к роману «Идиот». Это связано с *третьим для Аркадия горизонтом ожиданий – с Ахмаковой* (которая художественно наследует Настасье Барашковой) – и с обостренной постановкой проблемы любви, внерациональной и разрушительной. Даже этапы «узнавания» Аркадием предмета своих устремлений (Ахмаковой) воссоздают парадигму приближения Мышкина к Настасье: слухи – портрет – знакомство (наблюдение Н.А. Макаричевой). В «Подростке» проблема усложнена тем, что воссозданы неоднократные пояснения чувств с разных точек зрения, которые противоречат друг другу и всё лишь еще более запутывают. Всё усугубляется сюжетными решениями автора, связанными с расстановкой действующих лиц: отец и сын в любви оказываются соперниками.

Помимо ретроспективного плана (аллюзии на «Бесы») в «Подростке» открываются и художественные перспективы на роман «Братья Карамазовы». Например, образ Макара Долгорукова предвещает будущего Григория Кутузова (наблюдение А.П. Власкина). Но главное, Аркадий во многом является предшественником Алексея Карамазова (этому уделено внимание в следующей главе диссертации).

«Идея» Аркадия, как его четвертый горизонт ожиданий, показана в своей эволюционной динамике. Изначально это идея через накопление денег достичь власти над людьми и над собой. По ходу сюжета герой, как «носитель идеи», проходит испытания вместе с ней. Порой ему кажется, что «изменяет» ей, отступает от нее. Но сама эта идея предстает в разных вариантах, которые перерастают один в другой. И она обретает способность *взрослеть* вместе с Подростком. В конечном счете гуманистический вариант идеи – накопление богатства эмоционального и душевного опыта – раскрыт на перспективу.

Пятая глава – **«"Братство" и "Карамазовщина" как горизонты ожиданий в итоговом романе Достоевского»**. Обозначенные в названии произведения стихии человеческой природы целесообразно воспринимать как горизонты ожиданий. Они важны не только порознь (каждый герой стремиться к тому или другому горизонту), но особенно и в возможных соотношениях. «Братство» – давний авторский горизонт ожиданий для Достоевского–публициста. Дело было за художественными решениями. Но в четырех великих романах заметен дефицит носителей «братского начала» (на это претендуют лишь два центральных героя и ряд периферийных персонажей, преимущественно женских). Ко времени создания последнего романа выясняется, что *братство* можно было актуализировать – лишь «подмешав» к нему *карамазовщины*. Поэтому Алеша – носитель *братства* для большинства других персонажей – все-таки, по регулярным указаниям, тоже *Карамазов*.

В «Братьях Карамазовых» много внимания уделено монастырской среде. Она по умолчанию должна быть наиболее благоприятна для выражения братских инстинктов (ведь все обитатели здесь – *братия*).¹¹ Но и в монастыре обнаруживается дефицит таких инстинктов, и напротив – налицо признаки карамазовщины. В то же время последнюю было бы неверно понимать как равноправную с *братством* стихию человеческой природы. В упрощенном представлении под *карамазовщиной* можно подразумевать отклонения от *братства* в любую сторону и по любому поводу. Это стремление «хватить через край» в чем угодно, как в дурном, так и в хорошем. Например, *справедливость* принадлежит сфере *братства*; однако страстное требование ее – уже *карамазовщина*.

У Алексея Карамазова (как у Аркадия в «Подростке») два «отца» – биологический и духовный, Федор Павлович и старец Зосима. Оба они дают ему свои «заветы-благословения» по смене горизонтов ожиданий и предвещают грядущие душевные испытания. И он следует обоим заветам: вначале из мирской среды уходит в монастырь, а затем из монастыря возвращается в «мир», который в нем наиболее нуждается. Ведь мирская среда перенасыщена страстями, и гасить или хотя бы смягчать их можно лишь братским участием, деятельной любовью. Это и есть миссия Алексея Карамазова.

Для членов семейства Карамазовых характерно разное их отношение к своим горизонтам ожиданий. Их роднит лишь привязанность к Алексею. Федор Павлович утверждает на цинизме (как «на камне»), вопреки не изжитым в себе совестливым инстинктам. В старших сыновьях он различает, боится и ненавидит именно *карамазовщину*, а в младшем (Алексее), напротив, ценит *братское начало*. Алексей после «бесславной кончины» Зосимы проходит искушение бунтом против Бога, но под влиянием *исцеляющего сна* о «Кане Галилейской» возвращается к уже нерушимой, полноценной вере.

Дмитрий слишком готов к смене горизонтов. Изначально верующий на бытовом уровне человек, под ударами судьбы и под влиянием Ракитина он готов сменить этот горизонт на другой – псевдонаучный. И еще, в другом варианте, под влиянием *провиденциального сна* о «плачущем дитя» и страданиях людей он готов пострадать за всех на каторге. А следом, по наущению брата Ивана, готов уже убежать от наказания в Америку.

Иван колеблется между двумя идейными ориентирами – принятием Бога и бунтом против Божьего мира. Старец Зосима проницательно угадывает это («В вас этот вопрос не решен и в этом ваше великое горе, ибо настоятельно требует разрешения...»). В его судьбе важное значение имеет *сон или видение* – «Чёрт. Кошмар Ивана Федоровича».

¹¹ Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т.: т.1: А–К / Ред. кол.: С.С. Аверинцев и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. – С. 307.

Алексей на время «теряется как горизонт ожиданий» для обоих братьев: они под влиянием своих страстей сторонятся его, – и это приводит к убийству отца как трагическому разрешению центрального конфликта. Прямое участие в этом принял Смердяков, который, при полном отсутствии горизонтов, ищет их и не находит, что доводит этого персонажа до самоубийства (аллюзия на кончины Свидригайлова и Ствругина).

В финале романа в адрес Алексея от объединившихся вокруг него «мальчиков» дважды звучит «Ура *Карамазову!*». На примере его судьбы и воспитательского опыта (аллюзия на подобный же опыт князя Мышкина) выявляется логическая взаимосвязь названия романа и эпиграфа к нему. Выясняется, что сосуществование братства и карамазовщины в человеке (и в герое) возможно в динамическом балансе, когда одно не способно до конца преодолеть другое и само остаться «в чистом виде». Но в их взаимной борьбе раскрывается противоречивая и многогранная душевная жизнь. Таким образом, во взаимосвязи названия и эпиграфа, братство – это как зерно, которое, умирая в карамазовщине – дает «много плода».

В Заключении подводятся итоги исследования и намечаются перспективы дальнейшей разработки темы. Например, представляется возможным расширить материал за счет других произведений Достоевского: романов «Бедные люди», «Униженные и оскорбленные», «Неточка Незванова», а также наиболее значимых повестей: «Записки из подполья», «Кроткая», «Сон смешного человека». На наш взгляд, можно провести подобное исследование на основе произведений других русских писателей – Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и И.А. Гончарова и А.П. Чехова.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ:

1. Горбаренко, Е. А. Хаос "горизонтов ожиданий" в романе Ф.М. Достоевского "Бесы" // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2022. – Т. 24, № 87. – С. 45-52: 0,7 п.л.
2. Горбаренко, Е. А. "Горизонты ожиданий" в романе Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание" // Вестник Московского информационно-технологического университета - Московского архитектурно-строительного института. – 2022. – № 3. – С. 16-23: 0,7 п.л.
3. Горбаренко, Е. А. Версилов и Макар Долгорукий как персонифицированные "горизонты ожиданий" Аркадия в романе «Подросток» Ф.М. Достоевского // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и

филологические науки. – 2023. – № 1(28). – С. 50-53: 0,5 п.л.

4. Горбаренко, Е. А. Сны героев как воплощение «горизонтов ожиданий» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник Московского информационно-технологического университета - Московского архитектурно-строительного института. – 2023. – № 3. – С. 51-55: 0,5 п.л.
5. Горбаренко, Е. А. «Горизонты ожиданий» и проблема денег в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2023. – № 1(28). – С. 50-53: 0,5 п.л.

Другие публикации

6. Горбаренко, Е. А. «Братство» и «карамазовщина» как горизонты ожиданий в итоговом романе Ф. М. Достоевского // Libri Magistri. – 2022. – № 4(22). – С. 28-41: 0,8 п.л.
7. Горбаренко, Е. А. «Справедливость» как этический ориентир и «горизонт ожиданий» в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: Сборник материалов XX Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 20–22 апреля 2022 года / Под редакцией Т.Г. Шарри. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2022. – С. 165-169: 0,25 п.л.
8. Горбаренко, Е. А. «Идея», как ведущий «горизонт ожиданий» в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики : Сборник научных трудов VII Международной научно-практической конференции, Елабуга, 20–21 октября 2023 года. – Елабуга: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2023. – С. 116-118: 0,2 п.л.